

Размышления о творчестве великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского в связи с 160-летием со дня его рождения.

Юрий БОНДАРЕВ,
Арсений ЛАРИОНОВ

ОТКРЫТИЯ ДОСТОЕВСКОГО

На пороге жизни и смерти

— Юрий Васильевич, еще в начале нашего столетия видные писатели мира считали, что Достоевский ушел так далеко в своем творчестве, что никто не может сравниться с ним.

— Именно это и побуждает нас сегодня пристальнее, глубже, шире посмотреть на все его литературное наследие. Он попытался дерзко весь мир, как в капле океана, увидеть в русских, в их характере, во всей обаятельности хорошего и дурного... Тем и велик Достоевский, что он был до смертного предела беспощаден в правде, постижении добра и зла. Тут он преподает нам самые нравственные уроки, о которых мы не можем не вспомнить в день его 160-летнего юбилея.

— Но это очищающее душу мученичество, мученичество до кровопускания — единственный ли путь в литературе к нравственному началу?

— Я уверен, что был бы другой Достоевский-писатель без тюрьмы, без десяти смертельных минут после объявленной казни на Семеновском плацу, внезапного помилования и тяжелейшей каторги. Как был бы другой Толстой-писатель без севастопольских бастионов. Они еще молодыми стояли на пороге жизни и смерти, перед бездонными глазами небытия. В конце концов действительность рождает писателя. Но потом писатель создает действительность, характеры, красоту, которая становится одухотворенной реальностью.

— Вы хотите сказать, что, не пройди он сам через трагедию, через семь кругов ада, не было бы в его литературе ужасов, трагизма и красоты...

— Только через страдания, через познание истины — к любви, к совершенству человека, пытаюсь соединить романтику с жесточайшим реализмом, — вот путь Достоевского.

— Но «в человеке бездна тягучести и жизненно-

сти», говорил он, способности сносить лишения, мучения, и не только сносить, а и забывать о них. Русский народ еще молодой, считал Достоевский, не обременен усталостью, способен на необузданность, взрывчатость, оттого в нем все ломко...

— Точнее было бы отметить разность стихий: Митя Карамазов и князь Мышкин, Рогожин и Иван Карамазов, Настасья Филипповна и Соня Мармеладова... Эту разность можно множить и множить. Действительно, все в их характерах магически неожиданно, взрывчато... С этим я согласен, но ломко ли все в русском человеке?

— Сама его жизнь, какой ее видел писатель, с неустроенностью, неудовлетворенностью, нравственным несовершенством, ломка, как тонкий лед. Русский человек еще развивающийся, неоконченный, переходной... Эту мысль Достоевский вынес, пройдя каторгу. Он увидел поступки контрастные, а слабости — разительные. И увидел огромный разрыв между обожаемым им человеческим идеалом и действительным состоянием, которое побудило его в литературе обратиться к жесточайшему реализму. Ведь не ради же больших денег, не из-за голодного куска хлеба Раскольников убивает старуху-процентщицу, а Смердяков — старика Карамазова... Не так ли?!

— Вот тут-то, по-моему, и начинается литература Достоевского, которую никто не предвосхитил, не превзошел. Да, Раскольников убивает старуху не ради куска хлеба, а из желания утвердить собственное всевластие: «бог — это я». Никакая религия и общественная нравственность над ним не властны. Он сам себе бог, судья, вершитель судеб... Вот на какую «вершину» он взобрался. И против всех ожиданий, тщеславных надежд, восхищений своим духом и самообладанием летит с обманчивой высоты вниз и разбивается... Достоевский дает нам возможность познать эту тайную жизнь «божества» вместе с Раскольниковым, прожить ее мучительно, очищающе и понять, что шаткое «я» Раскольниковы магической силы не имеет, оно просто малосостоятельно, рабски ничтожно...

Повернуть душу к добру

— Рассказывая нам жизнь Раскольникова или князя Мышкина, Смердякова или Мити Карамазова, противопоставляя их жизненные поиски, он, по его собственному выражению, настойчиво обращает нас к мысли, что «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полного развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье».

— И это смысл всех долгих его исканий. Эгоисты, «божества в себе», сшибая лбы с трагической жизнью, пройдя все муки ада, через страдания, вину и раскаяния, еще могут увидеть солнце, найти умиротворение духовным счастьем. И показать это — высшее призвание литературы.

— Но само отношение к литературе, в частности и к произведениям Достоевского, становится несколько утилитарным. Нередко читатель приобретает знания, а не живет муками героев романа. Он скорее конформист, нежели совестливый человек, способный бороться за нравственный максимум... Явление это особенно распространено на Западе, в буржуазном мире.

— Скорбное противоречие современной западной жизни. Но и тому есть горькое объяснение. Техническая, машинная, буржуазная цивилизация жестоко нарушила равновесие человека и природы и пошатнула нравственное равновесие. Человек стал терять главное: свою духовную силу, ослаб стержень жизни. Вещи, которые так обильно, навязчиво производят безотказные в техническом отношении автоматы, совершенные технологические линии, к сожалению, рожают неуправляемость в поглощении вещей, алчность в людях. Вещи превращаются из слуг в господ, а сам человек превращается в некую жалкую машину потребления, теряя свою душу, обменивая ее на предметы, удобства, на голубые и малиновые унитазы. Так что западная цивилизация, а точнее, электрический, химический, атомный прогресс в руках деловых частных пред-

принимателей и корпораций не сделали человека счастливее, и главное — духовно богаче, что и есть высшее счастье.

— Значит ли это, что переродились и страсти? Ведь Достоевский-то был убежден, что человек изменится не под действием внешних причин, а скорее в силу перемен нравственных, когда в обществе появляются необходимые для того социальные условия.

— Когда-то в конфликте человек — общество страсти были в согласии с природой. Он был с ней в неразделимых отношениях. Он обожествлял ее, любил и ненавидел, смирялся и протестовал... Но уже страсти героев Достоевского были приглушены серым камнем петербургских домов и мостовых, хотя еще горел огонь желаний и еще властвовали страсти необузданные, сильные, угловатые, лохматые, всепожирающие. Что же касается современного человека на Западе, то его страсти отделены от природы неонам, асфальтом, бездарными фильмами, порнографией, наркотиками, поп-музыкой... Перечень этот бесконечен, как стена, которую усердно сооружает современная западная технология, изощреннейшая на всякого рода античеловеческие «проказы». И если сам человек физиологически мало изменился, то страсти его очень видоизменились, поощряемые буржуазным прогрессом «удобств». Ему теперь не надо рассчитывать на силу собственного духа, на собственные физические силы, чтобы выстоять в самоутверждении и почти в любом единоборстве. Хрустящая купюра заслонила ему солнце. Вещизм, всеядность, конформизм — препятствия серьезные на пути к усовершенствованию человека. Воображение конформиста не вырывается из общеустановленных норм, независимо, нравственно эти нормы или безнравственны. Конформизм создает замкнутый круг установлений, эгоистичных, бездумных, трусливых, располагающих к поверхностным наслаждениям, но убивающих в человеке душу и превращающих его в робота обстоятельств и мод. Конформизм — это философия обывателя: «моя хата с краю», «а мне-то какое дело...», философия, восстающая против мечты о братстве людей как итоге нравственной жизни.

— За это братство с неистовством ратовал Достоевский, пытаясь достучаться в двери совести, понимая, что жизнь каждого человека, как бы он ни заблуждался, как бы ни куролесил, ни бедовал, лежит втайне на совести, что первично в человеческом обществе — нравственное братство людей. Он мечтал о социалистическом устройстве общества, когда нравственные начала будут главной заботой всех.

— Войти в сговор с совестью, оправдать свои поступки, свое тихое злодейство, равнодушие к чужой боли — это как раз и характерно современным буржуазным конформистам. Совесть же способна повернуть душу к добру, она обладает взрывной особенностью. Она может потрясти человека так, что ему откроется весь ужас конформизма, безответственности, предательства самого себя. И, надеюсь, если это открытие случится, то он поймет, что без осознанного братства на земле ни о каком счастье людей речи быть не может. И современный человек, если он намерен открыть для себя Достоевского, должен прежде всего оценить диалектику конфликтов в его произведениях. Именно через диалектику он пытался исследовать душу...

— Исследовать, отрицая подчас все человеческое, вплоть до самых крайностей...

— Да, вплоть до человеконенавистничества. Он этого не боялся, потому что, отрицая, хотел утвердить, усилить человеческое в человеке. Это по силам только гению.

Ожоги действительности

— Но именно отрицание человеческого и подхватила многочисленные западные подражатели Достоевского.

— Они идут по внешней канве. Человек в подполье, испытывающий ужас перед миром, и в то же время состояние непримиримого конфликта с миром. Но в действиях его нет присутствия духа. Писатели лишь смакуют, любуются зловещими поступками своих героев, их вседозволенностью, самоутверждением через насилие. Ужас, насилие, на-

силственная смерть — три столпа, на которых держится западные подражатели Достоевского. Ни о каком раскаянии у них и речи быть не может, только утверждение: убийца — личность сильная или, наоборот, болезненно слабая. То есть состояние крайностей в физиологии, фетишизм факта, а не движение, развитие конфликта и личности. Детективные «изделия» печатаются неслыханными тиражами во всем мире и нередко являются практическим руководством к преступному действию... Бездуховность, бездумность, о которой мы говорили, в конце концов формирует людей с укороченной психологией, не способных думать не только о жизни близких, но и собственной. Такие литературные подделки создают умственную тупость, их чтение равносильно убийству самосознания.

А Достоевский — великий художник неминуемо ведет своих героев от преступления к осознанию вины, к раскаянию, к открытию самой нравственной природы человека.

— Некоторые исследователи творчества Достоевского в течение многих лет говорят о болезненном самовыражении писателя в своих произведениях. Некого один литературовед назвал их «снами Достоевского», самонадеянно угрожая притвориться все его творчество четырьмя ножками своего письменного стола...

— Достоевский видел не сны, а ожоги буржуазной действительности и писал о них, мучаясь от нестерпимой боли... Да, герои его преувеличены, как и должно быть в искусстве, пылко обострены их чувства. Они живут не любящей, а безоглядностью любви, не игральными страстишками, а страстью всепоглощающей. Им сродни не разочарования, а ненависть и раскаяние, они уходят не в монастырь, а в петлю. Какие уж тут сны! Это бесконечный, беспредельный поиск правды, справедливости, когда слезинка ребенка дороже всех богатств, как говорил Иван Карамазов...

— Достоевский берет человека в предельно заостренной ситуации, не так ли, Юрий Васильевич, с тем, чтобы в ломке испытать его на прочность, гибкость, сопредельность...

— Да, это так. Он ведь не слезливо умилялся русским человеком и русским характером. Он создавал Россию в согласии с действительностью, во всем жесточайшем круговороте страстей и идей того времени. И был убежден, что у России будет собственный путь в будущем, особый, неповторимый, способный дать новую жизнь всем на земле. Размышляя над русским характером, он приходил к мысли, что люди русские должны существовать не копируя нравы других народов, а беря все лучшее, что у них есть, и настойчиво, последовательно прокладывая собственный путь к братству человечества. Может, Достоевский и потому еще стал самым знаменитым писателем мира, что был слишком русским человеком, русским писателем и создал свою Россию, как Пушкин — свою, а Толстой — свою... У каждого из них в чем-то она была только своя... И в этом достоинство искусства, а они — великие мастера, они должны были открыть именно свое, чтобы обессмертить Россию и себя...

— Но у него это не была любовь славословья, как пытаются некоторые критики утверждать, любовь неистового славянофила. Кстати сказать, с годами, переболев славянофильством, он верно и весьма критически оценивал это общественное течение. «Славянофилы, — замечает он в записных тетрадах, — нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под торжествующего, нечто ограниченное...»

— Действительно, Достоевский такой ограниченностью не страдал. Он чувствовал могучие возможности народа, способного пробить свой путь в будущее. Но видел и пороки, видел, что русский человек склонен к самоуничижению, к неуправляемому разгулу, случается, и к зависти, к тому же способен унижить другого, подчас чрезмерно горяч, нетерпелив. Словом, нарождающийся буржуазный образ жизни вызывал у писателя вполне определенное отношение.

— Мне кажется, тут уместно было бы привести размышления Достоевского об Облонове. «Русский человек, — писал Федор Михайлович, — много и часто грешит против любви; но и первый страдалец за это от себя. Он падает себе за это. Это самое характеристичное свойство русского человека. Облонову же

было бы только мягко — это только лентяй, да еще вдобавок эгоист. Это даже и не русский человек. Это продукт петербургский. Он лентяй и барич, но и барич-то уже не русский, а петербургский...». Видите, как он точно уже тогда, в самом начале, определил влияние петербургского буржуазного прогресса...

— Его герои, обживавшие города, где зарождалась буржуазная убежденность в том, что деньги не пахнут, конечно, испытывали это влияние. Достоевский считал, что машинный прогресс начинался с разврата, жадности приобретения, зависти. Однако он не сводил все к золотому тельцу. Город действует на человека психологически, действует на его инстинкты, но уже не так, как раньше действовала природа. Что-то тут прибавилось, что-то изменилось, только для Достоевского эти изменения в нравственности. Из противоречий духа совершают его герои преступления... Ими движет любовь, свобода, измена, честолюбие, страсть... Теперь же в западной литературе XX века все преступления совершаются под знаком золотого тельца, в погоне за денежной властью над людьми, заботе об удобствах или во имя патологии «исключительности», и только. Равноценная ли это замена? Пожалуй, это даже не замена, а подмена... Свобода по-Достоевскому — это не вседозволенность, а свобода в том, чтобы овладеть собой и своими стремлениями. Мы далеко еще не все оценили и поняли в открытиях великого реформатора мировой литературы.

Ясновидцы духа

— И все же критика, литературоведение долгие годы, да и теперь на Западе это случается, односторонне рассматривали творчество Достоевского, умышленно противопоставляя ему Льва Николаевича Толстого. И началось это еще со времен, когда жили Достоевский и Толстой...

— Толстой и Достоевский — ясновидцы духа. Но если Толстой — ясновидец от реального, от плоти жизни, то Достоевский — ясновидец от страстей. Вместе с тем он видел в Толстом одного из учителей своих. Они оба сделали такие открытия в обла-

сти духа, которые явились неопровержимыми в самых сильных проявлениях человека — чувства и мысли. Идеал добра, любви, людского стремления отдать свое «я» всем и каждому — вот что им было дорого, вот что они лелеяли в мыслях, в исканиях своих...

— Так что они были и при жизни единомышленниками, хотя не были знакомы лично и никогда не встречались. Но твердо знали, что их объединяет. И разведи их не по силам критикам и литературоведам. Вероятно, был прав Достоевский, иронизируя, что тогдашние критики еще силились не понимать Пушкина.

— На этот счет у Достоевского есть любопытная пометка в записных тетрадах: «Искусством мы потому занимаемся особенно, чтоб заявить о нашем уважении к органическому проявлениям жизни духа, который хотят игнорировать нравовучители...»

— Да, и давние, и нынешние «нравовучители» не оставляют Достоевского в покое, им обязательно хочется в жизни его, литературе высказать что-то уязвимо болезненное или реакционное, чтобы они могли громоздочно обесценить написанное им...

— Подобный прием весьма стар. Еще сам Достоевский писал по этому поводу: «Да, я болен падухою болезнью, которую имел несчастье получить... в неприятную эпоху жизни. Болезнь в позор не ставится. Но падухая болезнь не мешает деятельности... К каким приемам вы прибегаете... Вы не ставите ни одного факта про меня, лично, про Федора Достоевского, чтоб я вилял из-за выгод, из-за почестей, из-за самолюбия. Я с благородной гордостью говорю это. Говорю и в литературе...».

— Какие прекрасные, высокие слова! В них он так же беспощаден и так же душевно обнажен, как в своих романах. Нам следует освободиться от многоликих наслоений, которые, как захватанная нечистыми руками завеса, висят еще над именами гениального художника и мыслителя. Критики Достоевского предвзято искажали его великие открытия в области человеческого духа, предвзято принижали и искажали существо поисков писателя. — Пожалуй, не случайно и по сей день живучи русскую советскую культуру.

«желегенды», что Достоевский писал небрежно, многословно, торопливо, пытаюсь уложиться в договорные сроки, писал даже бесстыливо...

— Это досужие, несправедливые вымыслы исследователей Достоевского разных времен и разных литератур. Им и в голову не приходит, что писал он, отрехшись от суеты, весь погрузившись в обдумывание и напряженное, нетерпеливое изложение горящих внутри него чувств и мыслей. Посмотрите его записные книжки — и вас поразит каторжная подготовительная работа. Но когда приходила к нему пора созидания, творения, он писал без отвлечений, так что даже не видел своих маленьких дочек, а лишь посылал им через Анну Григорьевну записки, живя с ними в одной квартире. То был его стиль жизни и писания, стиль его самовыражения, который нельзя назвать несовершенным или небрежным. Поражают лаконизм, точность, ясность, обдуманность, изящество, тонкость, глубина фразы и мысли.

Возьмем любое его произведение, к примеру «Бесы», которому опять же от литературных критиков несправедливо досталось больше всех, и откроем любую страницу... Вспомните последнюю встречу Петра Степановича и Кириллова или убийство студента Шатова... Достоевский описывает все достаточно обстоятельно, своеобразно и символично. Мы, по-моему, еще недооценили язык, манеру письма Достоевского, недооценили, что в мировой литературе именно с ним родился принципиально новый роман, которому он дал интригу, причем остросюжетную, интригу Раскольникова, бесов, Смердякова, Рогожина... И все в этих романах художником рождено, найдено, познано впервые, ничего подобного до него просто не было. Мы в чем-то еще не способны полностью осмыслить сегодня все открытия Достоевского, слишком приподнялись наша мысль и забота о нем. Но посылно надо наверстать упущенное, не ограничиваясь стереотипами и условностями, а побуждая настойчивый поиск в глубинные сферы психологии, которых не боялся Достоевский. Он смело вторгся в области, пограничные с аффектами, он писал о эле, но думал о добре, он описывал сцену убийства, в то же время над кровавой сценой висел один знак «не убий, ибо не все дозволено!». Это знак гения, чего никто из подражателей повторить не может, — столь велика и беспощадна его власть над героями, над людьми... Этот непревзойденный художник слова обогатил дух человеческий, вызвав пристальнейший интерес к нам и возвысив в глазах мира нашу русскую советскую культуру.

Соб. Ресурсы 1991-11-06-93